

ХОТЯ Есенин и при жизни был хорошо замечен, большим, тем более — великим лириком его не считали, да и он сам говорил о себе, возможно, не без лукавства:

*Был он изящен,  
К тому же поэт,  
Хоть с небольшой,  
Но хватистой силою...*

Или еще:

*Ведь я мог дать  
Не то, что дал,  
Что мне давалось ради шутки.*

Однако самоуничижение было ему чуждо; цену он себе знал:

*Я вам не кенар!  
Я поэт!  
И не чета каким-то там Демьянам.  
Пускай бываю иногда я пьяным,  
Зато в глазах моих  
Прозрений дивных свет.*

И в самом деле, если в жизни он бывал наивен, даже слеп, часто разнуздан и порой ужасен, то в стихах — мудр и зорок:

*Я не люблю  
Распевы петуха  
И говорю,  
Что если был бы в силе,  
То всем бы петухам  
Я выдрал петроха,  
Чтобы они  
Ночью не голосили.*

*Но я забыл.  
Что сам я петухом  
Орал вовсю  
Перед рассветом края,  
Отцовские заветы попирая,  
Волнуясь сердцем  
И стихом.*

Знаменательна строка “Отцовские заветы попирая...”; по-видимому, Есенин намекал на свои поэмы первых лет революции — “Небесный барабанщик”, “Пантократор” и другие, где, в частности в “Инонии”, встречается и такое:

*Тело, Христово тело,  
Выплываю из рта.*

Несомненно, тут сказалось знакомство с ранними, самыми талантливыми из поэм Владимира Маяковского, но все же “богоборческие” стихи — далеко не лучшее в есенинском наследии. Он и сам об этом впоследствии писал:

*Стыдно мне, что я в Бога верил.  
Горько мне, что не верю теперь.*

И просил:

*...Чтоб за все за грехи мои тяжкие,  
За неверие в благодать  
Положили меня в русской рубашке  
Под иконами умирать.*

Однако через два года повесился, отлично зная, что самоубийцу под иконы не положат...

Никто не развешивал скотников “причесать” есенинскую биографию, превратить поэта из хозяина своей судьбы в беспомощную жертву... Однако при этом забывают, что суицидальные мотивы проскальзывали в есенинских стихах еще в юности:

*...В зеленый вечер под окном  
На рукаве своем повешусь*

и что в написанных не чернилами, а кровью последних строках сказано:

*Предназначенное расставанье  
Обещает встречу впереди*

— из чего следует, что встреча состоится отнюдь не в раю. Ангела из Есенина никак не сделать!.. И вообще его отношения с небом отнюдь не ангельские. Еще до революции он признался:

*Если крикнет рать святая:  
“Кинь ты Русь, живи в раю!” —  
Я скажу: “Не надо рая,  
Давайте родину мою”.*

ЕСЕНИНСКУЮ жизнь “улучшить трудно”, и вряд ли стоит этим заниматься. Биография поэта — вещь немаловажная, однако не первостепенная. Но сегодня больше увлекаются жизнеописаниями, а не стихами. Особенно не повезло Цветаевой: во всех книгах (а среди них есть и отличные, например, М. Белкиной или В. Швейцера) ее стихам отведено мало места, о них говорится скороговоркой, зато все ее романы, действительные и выдуманные, исследованы до мелочей. С Есениным, хотя и в меньшей мере, происходит примерно то же.

Недавно наконец опубликованы без купюр воспоминания Галины Бениславской, подруги поэта, безнадёжно, без малейшей взаимности в него влюбленной, бескорыстно занимавшейся всеми его литературными и житейскими делами, нянчившейся с ним, как с малым дитятей,

приютившей его у себя вместе с его сестрами, когда Есенин после разрыва с Айседорой Дункан оказался бездомным.

Бениславская описывает страшную в своем надрыве есенинскую повседневность, его взлеты и падения, его нежность и жестокость, его запой и короткие просветления, когда он писал свои удивительные по красоте, прозрачности и пронзительности стихи! Не верить Бениславской нет никаких оснований. И своей жизнью, и своей смертью (она застрелилась через год после самоубийства Есенина на его могиле) Бениславская заслужила право рассказать нам о трагедии поэта. К тому же ее воспоминания подтверждаются “Москвой кабацкой”, “Черным челове-

ские минуты. Но замечала ли их у Есенина Бениславская — неизвестно. Скорее всего, не замечала, потому что о них не пишет. Она наблюдала есенинское пьянство с погромами выкриками, которых, наутро протрезвев, ошеломленный поэт искренне стыдился. Но пьянство было, и выкрики были — сохранились многочисленные милицейские протоколы, они теперь опубликованы — и от них не уйдешь...

И все-таки повторю: биография отнюдь не главное в наследии поэта и даже прозаика. И сколько бы талеров Федор Михайлович не проигрывал в рулетку, и сколько бы раз Анна Григорьевна, урожденная Сниткина, не закладывала по этой причине свою тальму, в великом на-

лезный Миргород”: “Мне нравится гений этого человека...” — и назвал перманентную революцию “великим замыслом”; не заболел от детей и женах; тяготел к известным женщинам, женился на Айседоре Дункан, а затем на внучке Льва Толстого), — так вот, при всем при этом Есенин оставался одним из самых свободных русских лириков, поскольку свобода поэта не столько в неподчинении властям, предержавцам и в открытом их поношении, сколько в безразличии к ним и в следовании своему предназначению.

ДАР такой свободы был дан Есенину с лихвой. Именно этот дар был ненавистен сталинскому режиму, и пото-

*Лит. газета. — 1995. — 13 сент. — С. 6.*

Владимир КОРНИЛОВ

# Век Сергея Есенина

следи Достоевского и рулетка, и тальма мало что меняют. И тысячу раз права Ахматова:

*Когда б вы знали, из какого сора  
Растут стихи, не ведая стыда...*

К сожалению, сегодня многие предпочитают *стихам* — *сору*. А ведь каждый лирик *все*, что считал нужным о себе сказать, сказал. “Я — поэт. Этим и интересен”, — начал свою автобиографию Маяковский, а в предсмертном письме добавил: “...пожалуйста, не сплетничайте. Покойник этого ужасно не любил”.

КУДА полезней поговорить о есенинском волшебстве. Разве не чудо, что в жизни раб своих страстей и дурных привычек, в стихах Есенин не давал себе никакой поправки и невероятно был с собою строг? В последние годы, когда он особенно буйствовал и пил, почти не прося, когда его завистливые собутыльники едва не приставили его к кокаину, у него не встречается слабых строк. А ведь у пьяниц стихи обычно растащены; пьющий стихотворец почти всегда боллив, вечно повторяется, вместо точки часто ставит запятую и, как правило, тянет стих на одном ритме, “на одной постылой ноте”. А вот Есенин свое чувство гармонии пронес через все ужасающие перепады своей короткой жизни, жизни на износ и стихотворной работы тоже на износ.

Критики определенного толка всегда считали и по сей день утверждают, что поэт погубил *город*: мол, нежный, застенчивый деревенский юноша не выдержал московских и питерских соблазнов, начал пьянствовать, безобразничать и т. д. Разумеется, всякая перемена жизненного уклада, а тем более переезд сельского жителя в столицу — всегда потрясение, и во все не потому, что город грязен и развратен, а деревня чиста и безгрешна; в деревне тоже пили и тоже богохульствовали ничуть не меньше... Но, отринув один уклад и не утвердившись в другом, человек нередко оказывался на обочине...

Верно, что есенинской шири и удалости оказалось тесно в Москве. Но вряд ли им было бы просторно в деревне. Кстати, свою деревню зрелый поэт вовсе не приукрашивал, смотрел на нее зоркими глазами, любил и ненавидел, боготворил и презирал, она его притягивала и одновременно отталкивала, и, приезжая из Москвы к родным, он не выдерживал в избе и трех суток.

Как поэт он равно обязан и деревне, и городу. Городскому человеку никогда так глубоко не ощутить русскую природу, тоску полей. Есенин выразил это так проникновенно, как никто до него и после него. Но, оставшись в деревне, он вряд ли сумел бы так развить свой дар. Короче: деревня обучила Есенина *песне*, а город — *стиху*.

Если же говорить о литературном влиянии, то наибольшее на него оказали Гоголь и Лесков, а не, как принято считать, Некрасов. У Есенина не встретишь некрасовской заумности, некрасовского страдания; есенинский стих всегда энергичен, нигде не затянута, его любовь к слову безоглядна по-лесковски, но чувство соразмерности и сообразности пушкинское. Это чувство и помогло Есенину преодолеть имажинизм, период, когда его увлекала чрезмерная образность. В “Автобиографии” 1924 года он писал: “...основное в 1919 году течение имажинизм, с одной стороны — мной, с другой — Шершеневичем, хоть и повернуло формально русскую поэзию по другому руслу восприятия, но зато не дало никому еще права претендовать на талант. Сейчас я отрицаю всякие школы. Считаю, что поэт и не может держаться определенной какой-нибудь школы. Это его связывает по рукам и ногам. Только свободный художник может принести свободное слово”.

И несмотря на все пьяные скандалы и на иные сомнительные поступки (вызывая недоумение Гумилева и Ахматовой, читал стихи царице и царевнам; воспева Лилина, а о Троцком обронил в очерке “Же-



Снимок 1925 г.

му Есенина со времени его самоубийства до смерти Сталина издавали ничтожно мало. Видимо, советская власть понимала, что Есенин ее не любил, а если порой и похваливал, то, что называется, “через не могу”. В “Анне Снегиной” он покрывил душой, дескать, летом семнадцатого года на вопрос крестьян:

*“Скажи,  
Кто такое Ленин?”  
Я тихо ответил:  
“Он — вы”.*

Вряд ли в то время да и впоследствии тоже Есенин относился к Ленину как к крестьянской надежде. Во время тамбовского восстания он явно сочувствовал его вожаку Александру Антонову. Это видно по поэме “Пугачев”, написанной тогда же (1921). И Нестор Махно был ему куда симпатичней Ленина. Недаром главным героем “Страны негодяев” — Номех (анagramма фамилии Махно).

Впрочем, иногда у Есенина прорывалось истинное отношение к вождю революции. Например:

*Конечно, мне и Ленин не икона,  
Я знаю мир...  
Люблю мою семью...*

Или полное сарказма:

*Но эта пакость —  
Хладная планета!  
Ее и Солнцем-Лениным  
Пока не растопить!*

Но тут же, забыв о вожде пролетариата, Есенин возвращается к самому себе:

*Вот потому  
С больной душой поэта  
Пошел скандалить я,  
Озорничать и пить.*

Впрочем, думается, озорничал он, пил и скандалил вовсе не из-за несовершенства Солнечной системы. Ахматова как-то сказала, что талант взрывоопасен и не подготовленному человеку совладать со своим даром совсем непросто. Не обремененного воспитанием юношу талант часто толкает к безобразиям. К своему дару Есенин был явно не готов. За ним стояло не дворянское и не интеллигентское про-

то неодобрительно говорила о Есенине, Осип возразил, что можно простить Есенину что угодно за строку: “Не расстреливал несчастных по темницам”.

УДИВИТЕЛЬНА есенинская загадка, которую все еще не раскрыло литературоведение: чем страшней, безнадежней и неудержимей неслась жизнь Есенина к своей трагической развязке, тем прекрасней становилась его лирика. Он колесил по России, не находил себе покоя ни в Москве, ни в Питере, ни на Кавказе, ни в родном селе, пил, свирепствовал, и, расквашивая, как маятник, между добром и злом, писал свои бессмертные стихи все лучше и лучше. Видимо, в поэзии, как в физике, чем дальше от нуля к плюсу, то есть чем выше разность потенциалов, тем больше накал чувств и тем сильней лирическая энергия.

Такая безоглядная жизнь и такая безоглядная работа, видимо, привели Есенина к депрессии, а затем и к самоубийству. Смерти он не боялся, но, помня слова боготворимого им Гоголя: “Грозна, страшная грядущая впереди старость, и ничего не отдаст назад и обратно!” — страшился старости, и не только потому, что был красив и горько сожалел:

*Облетает моя голова,  
Куст волос золотистых винет,*

— а оттого, что необоснованно пугался: мол, с годами теряет “буйство глаз и половодье чувств”, без которых лирическому поэту — гибель... Страх потери вдохновения терзал его все настойчивей, и в тридцать лет он, по свидетельству современников, выглядел так, словно износил несколько жизней. Но работал он все упорней и печально поухаживая молодости также привлекал к себе читательские души. (Ведь русская нация еще молода, а молодости свойственны и грусть, и чувство обреченности, и разгул, и надрыв, и умение смирить себя и хоть как-то наладить жизнь, придать ей какой-то порядок...)

Меж тем ощущение близкой гибели звучало в есенинских стихах все навязчивей:

*Я знаю, знаю. Скоро, скоро  
Ни по моей, ни чьей вине  
Под низким траурным забором  
Лечь придется так же мне.  
(17 августа 1925 г.)*

*...Эту избу на крыльце с собакой  
Словно я вижу в последний раз.  
(24 сентября)*

*Снежная равнина, белая луна,  
Сааном покрыта наша сторона.  
И березы в белом плачут по лесам.  
Кто поиб здесь? Умер? Уж не я ли сам?  
(4/5 октября)*

И, наконец, накануне самоубийства:

*До свиданья, друг мой, до свиданья.*

Но, “предназначив” свое расставанье, Есенин от нас не ушел. У его стихов такая завораживающая сила, и мне кажется, что сегодня, когда страна расколота, есенинская поэзия, как ничья другая, способна хоть как-то объединить российских граждан самых разных пристрастий, достатков и биографий. Ведь каждый, кто не покинул страну и покидать ее не собирается, с печалью, с любовью и все-таки с надеждой повторяет про себя есенинские строки:

*Никакая родина другая  
Не вольет мне в грудь мою теплоту.*

*Знать, у всех у нас такая участь,  
И, пожалуй, каждого спроси —  
Радуюсь, свирепствую и мучаюсь,  
Хорошо живется на Руси.*

С юношеских строк:

*Не бродить, не мять в кустах багряных  
Лебеди и не искать следов.  
Со снопом волос твоих овсяных  
Отоснилась ты мне навсегда*

или:

*Все они убийцы или воры,  
Как судил им рок.  
Полобил я грустные их взоры  
С впадинами щек*

— до страшной в своей обнаженности “Москвы кабацкой” и полного безнадёжности “Черного человека” красота есенинского стиха не убывает, а, напротив, растет. Есенинский звук, есенинская образность каким-то чудом и волшебством преображают безобразие жизни в сокровенную лирику.

И не прав Маяковский, поэт колоссального дара, но, к сожалению, не всегда верного чутья, утверждавший в своем предсмертном вступлении в поэму, что в отличие от “тесного-есенинского пропития” его, Маяковского, стих “дойдет через хребты веков и через головы поэтов и правителей”. Есенин с легкостью, без малейшей потери одолел эти препятствия, и уходящий двадцатый век лишь укрупняет поэта.